

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

**Читайте романы
Людмилы ГОРЕЛИК
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Русское сокровище Наполеона

Утраченный дневник Гете

Взлетающий Демон Врубеля

Сокровище кикиморы

Золотой идол викингов

Нефритовая лошадь Пржевальского

Потерянная рукопись Глинки

АРТЕФАКТ
&
ДЕТЕКТИВ

Людмила ГОРЕЛИК

Потерянная
рукопись Глинки

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г68

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

В коллаже на обложке использована фотография:

© Nynke van Holten / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Горелик, Людмила Львовна.

Г68 Потерянная рукопись Глинки : [роман] / Людмила Горелик. — Москва : Эксмо, 2022. — 288 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-165314-9

Много лет назад известный композитор Михаил Глинка написал чудесное музыкальное произведение, но оглашать его не стал. Он подарил нотную запись своему бывшему крепостному в качестве талисмана...

Спустя два века у Елены Шварц погибла подопечная — внучка ее покойной подруги Даша. В крови девушки обнаружили клофелин, но сама Даша его принять не могла, так как знала о проблемах с сердцем. И хотя на первый взгляд убивать ее было не за что, Елену настораживает, что перед смертью ее подопечная искала какие-то ноты...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Горелик Л., 2022

© Оформление.

ISBN 978-5-04-165314-9

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!

А.С. Пушкин

Пролог

МАНУСКРИПТ ДЕДА МАТВЕЯ

У

дар при работе на пишущей машинке «Украина» должен быть сильным. Это большая, тяжелая машинка, исключительно для учреждений. Вера от нее уставала: печатать много приходилось. Она уже второй год работала в лаборатории по внедрению новых технологий. После окончания института найти место учителя русского языка и литературы в городской школе не получилось. Хорошо, что лаборанткой в НИИ взяли. НИИ было физико-техническое, с ее специальностью — только лаборанткой, конечно, и то по благу. Зарплата 70 р. Ну да ладно, Вера по вечерам еще на курсах литературу абитуриентам преподавала. Тема физиков-лириков, поднятая лет десять назад, в шестидесятые, наиболее полно была сформулирована известным поэтом тогда же: «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне...» В 1973 году, когда Вера поступила на работу в НИИ, тема про-

должала оставаться модной, развиваясь в ту же сторону. В НИИ вокруг Веры были сплошные физики — веселые, востребованные, все успевающие, — многие из них, кстати, не только физикой, но и поэзией увлекались.

Вера на физиков посматривала с интересом, но все же она в НИИ мало кого знала; печатала на машинке в своей лаборатории, редко оттуда выходила. У них было спокойно. Завлаб Николай Евстигнеевич заходил в комнату, где сидели сотрудники, редко. Он был кандидатом технических наук, имел репутацию прекрасного организатора, занимал в НИИ несколько руководящих должностей и работал, естественно, в своем кабинете. В лаборатории у него в подчинении находились шесть человек. Трое серьезных мужчин, имеющих специальное образование, писали кандидатские по близким к тематике лаборатории проблемам. Они числились старшими научными сотрудниками (с. н. с.). Женщин было тоже три. Две из них — Саша Авхимович и Екатерина Безбородько — учились заочно в Смоленском филиале Московского энергетического института, обе на пятом курсе. Они были младшие научные сотрудницы (м. н. с.), на них держалась техническая часть работы: ездили по районным предприятиям Смоленской области, внедряли разработанные старшими научными сотрудниками технологии. А Вера была всем им

в помощь: преимущественно на машинке печатала и документы оформляла.

С. н. с. сидели в лаборатории не всегда. Не каждый день приходили. Им было разрешено. А м. н. с. и лаборантка каждый день здесь торчали. Девушки были примерно одного возраста и быстро сдружились. Саша и Вера еще не имели семьи, а у Кати был муж, тоже студент-заочник, и пятилетний сын Алеша. Трех «деукам», как называл их начальник Николай Евстигнеевич, было от двадцати трех (Вера) до двадцати шести (Катя) лет, но почему-то у них в головах все еще гулял ветер. Например, они вполне по-студенчески иногда сбегали с работы в кино. Зато если начальник просил, они могли и в субботу-воскресенье прийти работать. Такое случалось частенько: выдающийся организатор Николай Евстигнеевич любил устраивать авралы. Зайдя в лабораторию и усевшись за свой огромный «стол руководителя» (двухтумбовый этот стол стоял посреди лаборатории совершенно пустой, и никто его в отсутствие шефа не трогал), он хмурил густые брови, оглядывал сотрудниц печально, подпирал рукою щеку и, выдержав в таком задумчивом виде должную паузу, наконец говорил:

— Деуки, забота у меня, не знаю, что и делать.

Сотрудницы сочувственно смотрели на него, ели глазами, готовые на все, чтобы помочь, — так его было жалко.

— Срочно надо статью напечатать. Чтоб была готова в понедельник с утра. Сделаешь, Вера?

— Конечно, Николай Евстигнеевич! Это ничего, что сейчас вечер пятницы, я приду в субботу, а если надо, то и в воскресенье! — радостно (что сможет помочь) восклицала Вера.

— И я тоже приду, подиктую тебе, чтоб быстрее! — подхватывала Саша.

— Ну вот и хорошо! — поднимался с кресла начальник. — А то сдать надо быстро. Бекицер! — И он подмигивал Вере.

— Что он сказал? — спрашивала Вера у Саши, когда за начальником закрывалась дверь.

— Что быстро нужно! — отвечала та.

— А в конце что он сказал? Бекицер? Это что?

— Это по-еврейски значит «быстрее», — поясняла Катя. И Вера Фогельсон пристыженно замолкала: как нехорошо, ведь она наполовину еврейка, это ей Николай Евстигнеевич и сказал — а она не понимает даже того, что другие знают. Как ей стыдно должно быть!

Вот и в эту пятницу шеф заглянул в лабораторию сразу после обеда. Три девушки переглянулись: повезло, что они здесь, не сбежали еще! Они сегодня собирались уйти пораньше — посмотреть новый фильм про Фантомаса, однако замешкались — и как кстати!

— Деуки! — сказал шеф, усевшись за свой огромный стол. — Деуки, в командировку с утра в понедельник поедете.

К Вере это не относилось: в командировки ездили научные сотрудники.

— Ты поедешь в Сафоново, в шахтоуправление, там заберешь документы, описывающие, как внедряется технология, что Селиверстов разрабатывал. Я им звонил, они знают, — это он говорил Саше. — А ты, — он повернулся к Екатерине, — съезди в Шаталово, на аэродром. Там узнаешь, как используется наше усовершенствование при заливке бензина — то, что Туров предложил. И тоже документы возьми. Я с главным инженером говорил, он должен подготовить. К нему сразу и иди.

Саша и Катя кивали, записывали. Командировки были несложными, они случались не слишком часто и даже разнообразили службу.

А Вера, услышав про Шаталово, тоже встрепнулась. Ее любимая бабушка была родом из Шаталова.

Бабушка уехала из родного села очень давно, еще до революции — ее в семь лет отдали в город, в ученицы к портному. А вот ее сестра тетя Феня покинула Шаталово только после войны. Тетя Феня часто туда ездила, рассказывала потом бабушке. Там из родственников оставался дед

Матвей, младший брат их отца, Вериного прадедушки. В детстве Веру более всего занимало то, что дед Матвей умеет плести лапти.

— Вот сплетет тебе дед Матвей лапотки! — умиленно говорила тетя Феня. — Маленькие, на твою ногу, с завязочками. До колен такие завязочки делают у лапотков!

Веру идея завязочек не очень нравилась.

— А нельзя, чтоб с пряжечками? — спрашивала она серьезно.

— Можно! — охотно соглашалась тетя Феня. — Сплетет тебе дедушка Матвей с пряжечками.

Лапотков Вера не дождалась, деда Матвея никогда не видела. В Шаталове она не бывала, но, повзрослев, все думала когда-нибудь съездить — пока дед Матвей жив, все ж ему уже много лет. И вот сейчас Катька поедет в Шаталово...

— Николай Евстигнеевич, — обратилась к начальнику Вера. — А нельзя мне тоже с Катей съездить? Я помогу сборники довести, вдвоем-то мы больше сборников сумеем взять — в Шаталове вон какой большой аэродром, пусть читают!

Сборники «Проблемы внедрения новых технологий» лаборатория выпускала каждый год; печатать статьи на машинке, а потом паковать книги и носить их на почту рассылать — была основная Верина работа. Шеф очень ревниво

относился к сборникам: их продавали предприятиям за деньги. М. н. с., когда ездили в районы по другим делам, обязательно и сборники тоже развозили.

Сейчас он на минуту задумался. Маленькие острые глазки приобрели особо умное выражение, утратив на миг добродушную хитрецу.

— А что ж! — сказал он после недолгой паузы. — И съезди! Тут все равно тебе в понедельник делать нечего. — Лицо его уже приняло обычное выражение. — Съезди, деука! Довезете вдвоем двадцать штук? Да что вам — молодые, здоровые! Деуки у меня огонь! Ты упакуй получше, — он опять уже к одной Вере обращался, — упакуй и новую накладную сделай — пусть за двадцать перечисляют. Если что, скажите, ничего, мол, не знаем. Сколько велели, столько и привезли, пусть за двадцать расписываются. Не назад же нам везти, скажите!

Бабушка к известию о Вериной командировке в Шаталово отнеслась практически равнодушно.

— Давно я там не была... — сказала она. — Ну, съезди, посмотри на нашу родину... Тем более Фенька говорила, что плох уже дед Матвей... Зайди обязательно к нему, привет передавай им с Прасковьей от меня — от Нюрки, скажи, привет.

Дед Матвей оставался в Шаталове с женой Прасковьей, их единственная дочь Надя давно вышла замуж за летчика и уехала на Дальний Восток.

В воскресенье Вера сходила и к тете Фене, сообщила новость о поездке. Тетя Феня проявила больший, чем бабушка, интерес, обрадовалась даже.

— Как раз отвезешь деду «подорожник», — сказала она. — А то я уж думала, как передать. Прасковья «подорожник» просила: помрет скоро дед, а у них там не купишь.

— Какой подорожник? — не поняла Вера.

— Ну, «подорожник»... Его в гроб кладут, на лоб покойнику. В соборе я купила для деда Матвея. Тоже не всегда есть, но я купила. Только ты ж смотри ему не говори и не показывай. Отдашь потихоньку Прасковье — и все.

И она достала из комода узкую черную ленту с золотой надписью.

Так Вера и поехала в Шаталово — со сборниками и «подорожником».

— На аэродроме девушки справились быстро. Документация к их приезду уже была оформлена, а лишние сборники приняли на удивление спокойно. Главбух, правда, ехидно посмотрела на главного инженера и покачала головой.

— Ну ладно, деньги там небольшие, с нас не убудет, — примирительно сказал тот.

Дом деда Матвея тоже нашли легко, им сразу показали, куда идти, да и тетя Феня рассказывала, как добраться от аэродрома. Немного помедлили возле входа с большую избу, собранную, видимо, еще до революции из мощных бревен, теперь посеревших от бесчисленных снегов и дождей. Вера постучалась. Ответили не сразу, только когда постучалась в третий раз.

— Да... Входите, открыто там, — донесся слабый голос. И Вера с Катей вошли.

Изба представляла собой одну большую комнату с печкой посередине, с покрытым клеенкой столом у одной стены и с кроватью у другой. В углу висели три иконы — одна большая, Казанской Божьей Матери, и две поменьше. Из них одну Вера не знала, не поняла, что за икона, а на другой был Николай Чудотворец. На расстеленной кровати, укрытый одеялом с пододеяльником, лежал старик. Но какой это был старик! Вера про таких только в книжках читала. Ни до, ни после она такого лица в жизни не видела. Может, только на картинах старых?

У деда было вроде и обычное лицо с выцветшими голубыми глазами, с правильными чертами, с небольшой седой бородкой... Удивительным было его выражение. Необыкновенный покой, смирение и благожелательность ко всему

миру — к пришедшим неизвестно откуда посетительницам в том числе — выражало это лицо. Не только Вера, но и всегда бойкая Катя растерялась, остановилась молча посреди избы при виде лежащего на постели старика. Катя все же первой пришла в себя.

— Здравствуйте! — сказала она. — Вас дедушка Матвей зовут? А мы к вам... К вашей жене, точнее... Вот Вера — родственница...

И Вера, выйдя из ступора, робко кивнула:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! — ответил старик. И с тем же ясным выражением лица («Как из другого мира смотрит», — подумала Вера) приветливо добавил: — Да, Матвей. Болею я, не встаю. Хозяйка моя в огороде, сходите туда за ней.

Девушки гуськом вышли в сени и оттуда толкнули другую дверь, не ту, в которую входили. Вышли действительно в огород, довольно большой. Хозяйка была там. Стоял сентябрь, и она выдергивала из земли свеклу, складывала в кучу.

При виде гостей она разогнулась, оказавшись высокой, нескладной, сильно сутулой старухой в темной одежде и в темном фартуке поверх фуфайки.

Вера, поздоровавшись, представилась, объяснила, кто она такая. От смущения сразу же стала

не только передавать приветы, но и про «подорожник» сказала.

Тут старуха разволновалась, спросила испуганно:

— Вы его деду не показывали?

— Нет, что вы! — хором ответили девушки (Катя тоже подключилась). — Мы не показывали, конечно, и не говорили ему ничего! Мы сразу к вам в огород пошли.

Старуха вздохнула с облегчением, потом пояснила:

— Дед давно плоховат, все ж скоро девяносто, я и заказала «подорожник». А позавчера он лег, сказал, что помирать будет. И не отговоришь его. Спасибо Фене передайте за «подорожник», у нас не купишь. Ты мне его незаметно отдай, чтоб он не увидел. Лучше не в избе. В сени выйдем, там и отдашь. — Последние фразы были обращены к Вере. Потом женщина опять повернулась к обеим: — Пойдемте в хату, пообедаем, вы проголодались, наверно. — И, запнувшись, опять в волнении добавила: — Только не говорите ж про «подорожник» при нем!

Катя и Вера к тому времени и впрямь проголодались. Блюда к обеду были поданы самые простые и при этом необыкновенно вкусные. Щи, тушеную картошку (и то и другое в чугунных котелках) Прасковья достала из глубин